

В.В. Васильев

ЧТО ТАКОЕ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПОЧЕМУ ВАЖЕН ЭТОТ ВОПРОС?*

Васильев Вадим Валерьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: izf@philos.msu.ru

В статье рассматривается вопрос о природе и истоках аналитической философии. Автор полемизирует с В.К. Шохиным и В.В. Целищевым, опубликовавшими несколько статей на эту тему. Обсуждаются также некоторые идеи А. Престона, работы которого по истории аналитической философии анализируются в статьях Целищева и Шохина. Автор не согласен с критикой Целищевым «ревизионизма» Шохина, расширяющего исторические границы аналитической философии до самых истоков философии вообще. В статье доказывается, что она не является критикой по существу. Вместе с тем автор не поддерживает и ревизионизм в том виде, в котором он отстаивается Шохиним. Концепция Шохина предполагает, что выражение «аналитическая философия» работает не как имя собственное, а как дескрипция, а это не соответствует практике его употребления. Более корректной формулой соотношения аналитической философии с классической философией прошлого автор предлагает считать утверждение, что современная аналитическая философия является наследницей классической философской традиции. В статье также уточняется ряд моментов, связанных с начальным, «лингвистическим» этапом аналитического движения и с историей самого термина «аналитическая философия», который, как показывает автор, употреблялся еще в XVIII в. В конце статьи автор приводит эмпирические данные, свидетельствующие о повороте современной аналитической философии к классической философской традиции, и обсуждает практические следствия сделанных выводов. Он считает, что верное понимание природы современной аналитической философии, понимание ее преемственности с классической мыслью может содействовать совершенствованию философского образования в России и увеличению доли в программах учебных материалов по аналитической философии.

Ключевые слова: аналитическая философия, ревизионизм, В.К. Шохин, В.В. Целищев, А. Престон

* Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Трудно отрицать заметное место аналитической философии в современном философском пространстве. Авторитетность этого направления подкрепляется его более чем вековой историей. Неудивительно, что мы видим все больше примеров рефлексии о его истоках и природе. В последнее время обсуждения выплеснулись и на страницы отечественных журналов. Сначала В.К. Шохин опубликовал две статьи на эту тему в «Вопросах философии» и «Философском журнале»¹. Затем В.В. Целищев отреагировал на эти публикации, тоже в «Философском журнале»². «Философский журнал» стал тем самым площадкой для этой нужной дискуссии, сам факт которой показывает рост влияния аналитической философии в нашей стране. Поскольку вопрос о природе аналитической философии давно интересует меня, я с готовностью согласился с предложением принять участие в обсуждении.

Сразу отмечу, что я согласен с некоторыми идеями как Шохина, так и Целищева. Оба они, как я попробую показать, по-своему правы. Какие-то моменты критических замечаний Целищева, впрочем, вызвали у меня недоумение. В чем-то я не поддерживаю и Шохина. Важно также иметь в виду, что в статьях Целищева и Шохина присутствует и еще одна сторона – А. Престон, автор нашумевшей книги: «Аналитическая философия: история иллюзии»³. Оба автора ссылаются на Престона, обсуждают его взгляды и, отталкиваясь от его конструкций, определяют свои позиции.

План моих действий таков. Вначале я изложу суть предложений Шохина и особенности его критики Целищевым. Затем я попытаюсь объединить их подходы. После этого я попробую показать, что аргументы Престона можно вынести за скобки из-за тенденциозности его книги. Наконец, я постараюсь подкрепить свою объединительную гипотезу эмпирическим материалом.

1

Пафос статей В.К. Шохина состоит в отстаивании им «ревизионистского» (в терминологии Престона) подхода к аналитической философии. Стандартный подход предполагает, что аналитическая философия возникла на рубеже XIX и XX вв. и что ее возникновение было связано с деятельностью Дж. Э. Мура и Б. Рассела (а также Г. Фреге и Л. Витгенштейна: Фреге включают в этот список из-за исключительной важности его более ранних разработок для позднейшей аналитической философии, а Витгенштейна можно рассматривать как первого систематизатора основных интуиций аналитиков). Но попытки уяснения специфики аналитической философии, по Шохину, приводят нас к пониманию, что ее отличает прежде всего некий стиль философствования, а именно: 1) стремление к классификации и определению понятий, 2) разделение предметного поля на какие-то элементарные компоненты, а также 3) полемическая направленность, предполагающая размежевание с реальными или вымышленными оппонентами⁴. И если при-

¹ Шохин В.К. Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // *Вопр. философии*. 2013. № 11. С. 137–148; Шохин В.К. Аналитическая философия: Некоторые непроторенные пути // *Филос. журн. / Philosophy Journal*. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.

² Целищев В.В. Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // *Филос. журн. / Philosophy Journal*. 2015. Т. 11. № 2. С. 138–155.

³ Preston A. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. L., 2007.

⁴ Шохин В.К. Аналитическая философия. С. 20.

знать, что аналитических философов объединяет такой стиль философствования, то мы и правда должны обдумать ревизию ее истории. Ведь подобный стиль свойствен не только аналитическим философам XX в., но и разным мыслителям более ранних эпох – и не только, как убедительно показывает Шохин, европейским. Должен сразу, впрочем, оговориться, что мне не кажутся оптимальными указанные Шохиним черты аналитического философствования. Дефинирование и классификация понятий, о которых он говорит как об особой его характеристике, вполне может рассматриваться как частный случай другой упомянутой им черты – выявления элементарных компонентов какого-то проблемного поля. Что же касается полемичности аналитических философов, то она тоже может быть не самостоятельной чертой аналитического стиля философствования, а следствием той самой аналитичности, которая суммируется в двух других пунктах: практика концептуального анализа предполагает формирование у того, кто его проводит, четкой позиции по обсуждаемым вопросам, а значит, и ясного понимания отличия его позиции от других – реально занимаемых кем-то или только лишь возможных – позиций.

Впрочем, это не принципиальный вопрос. Ревизионистский тезис Шохина может сохранить свое значение и при других описаниях – даже если мы рассуждаем о методах ранних аналитических философов, нацеленных прежде всего на философствование в стиле «Что вы хотите этим сказать?», «Что это значит?», т. е. на прояснение смысла тех или иных высказываний. Здесь очевидным их предшественником был, к примеру, Сократ. Если же говорить о современных аналитических философах, то их методы очень разнообразны, но их объединяет стремление точно и аргументированно обсуждать и решать исследуемые ими проблемы⁵. И, разумеется, в предшествующей философии мы найдем множество примеров подобного отношения. А это означает, что ревизионистский подход может быть вполне основательной и серьезной опцией.

Целищеву, между тем, не нравится такое расширение границ аналитической философии. Он не понимает, что позитивного оно может принести. Выводы Шохина об «аналитичности» древнеиндийских и древнекитайских философов он воспринимает как призыв к аналитическим философам изучать философское наследие Древнего Востока. Казалось бы, в таком призыве нет ничего плохого, но Целищев, похоже, видит в этом угрозу отвлечения от любимого дела. Ему нравится заниматься аналитической философией, это кажется ему чем-то увлекательным. Более того, он уверен, что так кажется и многим другим. Аналитическую философию надо оценивать не по каким-то абстрактным критериям, размышления о которых отрывают нас от реальных философских дел, а по полученным аналитическими философами конкретным результатам. А таких результатов, полагает Целищев, очень много. И здесь нельзя не солидаризироваться с ним. Чем бы мы ни сочли аналитическую философию, очевидно, что философы, причисляющие себя к аналитической традиции, делали и делают массу интересных вещей. Каждый год выходят десятки прекрасных книг и статей на самые разные темы. Примеры таких работ приводит сам Целищев, и его список легко было бы умножить.

Сказанное, впрочем, не означает, что я согласен с Целищевым в том, что метафилософские и историко-философские попытки уточнить природу аналитической философии являются чем-то бесплодным и скучным. На мой взгляд, это столь же интересная область исследований, как и другие.

⁵ Cp. Soames S. *The Dawn of Analysis*. Princeton, 2003. P. XIII.

Обсуждение данной темы совсем не обязательно намекает на какое-то неблагоприятное в аналитической философии, как почему-то думает Целищев. И уж совсем я не разделяю критики Целищевым усилий Шохина решить этот вопрос на том основании, что Шохин вроде бы не является специалистом по аналитической философии. Во-первых, это не так – он давно занимается аналитической философией религии. А, во-вторых, я вообще не понимаю смысла этого упрека. Шохин написал статьи о природе аналитической философии. Если это хорошие статьи, то они доказывают, что он специалист по аналитической философии. А если они плохие, то они плохие, каким бы специалистом он ни был. В любом случае критиковать эти статьи нужно исходя из их внутренних недостатков.

Конечно, Целищев не ограничивается «внешними» выпадами против статей Шохина. Он критикует их и изнутри. Однако эта критика выглядит довольно странно, и чтобы увидеть эту странность, мы можем и не вдаваться в технические детали. Достаточно обратить внимание хотя бы на то, что, по мнению Целищева, Шохин обсуждает в своих статьях книгу Престона «Аналитическая философия: История иллюзии»⁶. Но это не так. Шохин лишь упоминает эту книгу, а анализирует другой текст Престона, его более раннюю статью, которую Шохин именует его «манифестом»⁷. Целищев же работает именно с книгой. Можно удивиться, конечно, решению Шохина взять для анализа небольшую статью, а не гораздо более содержательную книгу (он обосновывает это соображениями нехватки места), но факты таковы, что критик Шохина не обратил внимания даже на то, что именно анализирует его оппонент. Другим примером невнимания Целищева к ключевым тезисам Шохина является его реакция на шохинскую классификацию этапов истории аналитической философии, предложенную в контексте его ревизионистского подхода. В качестве первой, во многом дорефлексивной ее стадии Шохин обозначает период «от начала философии до 1940-х гг.»⁸. Из всей логики его рассуждений вытекает, что слова «от начала философии» надо понимать буквально: Шохин доказывает, что аналитический стиль мышления может быть зафиксирован уже у первых философов. Но Целищев почему-то уверен, что Шохин говорит о начале аналитической философии в узком смысле, т. е. что речь идет о рубеже XIX и XX вв.⁹ Невнимание к позиции оппонента обесценивает его критику.

Этим я, впрочем, не хочу сказать, что подход Шохина свободен от проблем. Чтобы прочувствовать их, представим, что он в такой же манере рассуждал бы не о философской традиции, а о биологических видах. Вначале он охарактеризовал бы интересный вид летучих мышей. Затем описал аналогичные приспособления для полета у самых разных видов птиц. И, наконец, заключил бы, что птицы – это летучие мыши. Все мы согласимся, что такое заключение было бы ошибкой. Между летучими мышами и птицами есть множество важных отличий. Такие же важные отличия могут быть и между аналитическими философами и их предшественниками. Претендентом на роль таких отличий будет, к примеру, использование аппарата математической логики или хотя бы готовность к его использованию¹⁰. Так это или нет,

⁶ Целищев В.В. Аналитическая философия. С. 140, 142.

⁷ Preston A. The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy // The Bertrand Russell Society Quarterly. 2005. No. 127. P. 11–30.

⁸ Шохин В.К. Аналитическая философия. С. 22.

⁹ Целищев В.В. Аналитическая философия. С. 146–147.

¹⁰ Cp. Russell B. History of Western Philosophy. L., 1946. P. 862.

неважно. Мой тезис состоит лишь в том, что сходство стилистики аналитических философов и их предшественников не означает, что мы сразу можем называть этих мыслителей аналитическими философами.

Интересно, что А. Престон, о котором постоянно вспоминают Целищев с Шохиным, выступает против ревизионизма того типа, который предлагает Шохин, потому что такой ревизионизм игнорирует еще одну важную черту традиционного образа аналитической философии (не упоминавшуюся мною выше и лишь вскользь упомянутую Шохиным), а именно представление о революционности этого направления, о его радикальном разрыве с предшествующей философией¹¹. В самом деле, возведение аналитического движения к началу философии может обесмыслить такое ее понимание. Другое дело, что мы не обязаны преувеличивать вес этой характеристики. Трудно отрицать, что первые аналитические философы шли на теоретический разрыв с их философским окружением, но ведь их последователи могли и не идти на разрыв со своими учителями – и при этом оставаться аналитическими философами. Аналитический философ не обязан быть революционером. И он не обязан восприниматься как мыслитель, порывающий с классической философией: бунт основателей аналитической философии мог затрагивать не всю предшествующую философию, а лишь какое-то из ее направлений. Так, собственно, и было. Создатели аналитической философии, Мур и Рассел, боролись с гегельянским идеализмом.

Так что потенциальные возражения Престона против ревизионизма Шохина выглядят не очень опасными. И все же из них можно извлечь полезные выводы. Они напоминают нам, что аналитическими философами во второй половине XX в. стали повсеместно называть идейных преемников и последователей вполне определенных философов, взбунтовавшихся против гегельянства¹². Словосочетание «аналитическая философия» имеет, таким образом, характер имени, а не неопределенной дескрипции¹³. Поэтому мы не можем распространять его на другие эпохи и на философов этих эпох (хотя исключения всегда возможны: примером такого исключения является почетное зачисление в аналитические философы Фреге¹⁴, которого – несмотря на все его контакты с Расселом и Витгенштейном – логичнее было бы считать предшественником аналитической философии, а не аналитическим философом) даже при совпадении их сущностных характеристик: обнаружение человека, очень похожего на меня, не дает мне права называть его моим именем.

Я, таким образом, не могу поддержать ревизионизм Шохина. Но я считаю – и давно говорил об этом¹⁵, – что в подобном подходе есть рациональное начало. Я предлагаю трактовать современную аналитическую философию в качестве продолжательницы классической философской традиции. Современные аналитические философы пользуются методами, похожими на методы классических философов, таких как Платон, Аристотель, Декарт, Юм и Кант, и обсуждают темы, сходные с теми, которые рассматривали эти и другие классические философы: природа и границы знания, бытие Бога, душа и сознание, свобода воли и ответственность, истоки и природа морали и т. п.

¹¹ Preston A. *Analytic Philosophy*. P. 44.

¹² Cp. Soames S. *The Dawn of Analysis*. P. XIII.

¹³ Cp. *ibid.* P. 34.

¹⁴ Во многом благодаря ревизионистским усилиям М. Даммита, см.: *Dummett M. Origins of Analytical Philosophy*. Camb., 1994.

¹⁵ См., напр.: *Васильев В.В. Трудная проблема сознания*. М., 2009. С. 19.

Я специально оговорился, что речь идет о современных аналитических философах. Мало кто отрицает, что аналитическая философия сильно изменилась за последние десятилетия. И, кстати, именно такие изменения служат для Престона аргументом в пользу того, что аналитическая философия – это исключительно социологический феномен, что в плане идейного багажа за этим именованием не скрывается ничего определенного или, другими словами, что она являет собой иллюзию.

В такой оценке трудно не почувствовать какое-то предубеждение. С логической точки зрения тут нет проблем. Сам Престон считает выражение «аналитическая философия» именем собственным. Как показал в свое время С. Крипке¹⁶, такие имена допускают соединение с самыми разными дескрипциями. Я могу быть одним, потом сильно измениться, но это не сделает мое имя иллюзорным. Так почему же Престон использует такое хлесткое слово, как «иллюзия»? Он сетует на то, что с выражением «аналитическая философия» не связано жестко фиксированных дескрипций. Но ведь иначе и не может быть, если речь идет об имени собственном. Вполне естественно, что последователи Рассела и Мура, освоив одни темы и отработав их, переходили к другим, расширяли свой инструментарий и предметный горизонт и т. п. И почему это расширение, произошедшее в последние десятилетия, именуется Престоном «эклектическим» периодом в истории аналитической философии?¹⁷ Присмотревшись к его книге, мы увидим, что слово «иллюзия» применимо, скорее, к ней самой. В самом деле, она создает иллюзию объективного научного исследования истории и природы аналитической философии. В действительности же этот текст – плод какого-то личного неприятия аналитической философии, о причинах которого я не буду гадать. В книге Престона нет того, что отличает хорошие аналитические тексты, – стремления беспристрастно разобраться в том или ином вопросе, а не подгонять факты под свои теории.

Чтобы подчеркнуть предвзятость Престона, я возьму один яркий пример. Для выстраивания своих гипотез ему нужен уже упомянутый мною тезис о революционном образе ранней аналитической философии. А революционность в философии, как ему кажется, предполагает отсутствие интереса к истории философии. Я бы сказал, что она может предполагать отсутствие историко-философского интереса к отвергаемым предшественникам (если мы, к примеру, считаем, что в их трудах нет ничего достойного изучения), но не обязательно ко всем предшественникам. Престон, однако, идет на широкие обобщения и говорит об отсутствии интереса у ранних аналитических философов к историко-философским исследованиям вообще. Пусть так, но ведь этот тезис верен с точностью до наоборот. Все согласны, что аналитическая философия в общепринятом понимании началась с работ Мура и Рассела. Но Рассел не только издал в начале своей аналитической карьеры, в 1900 г., книгу о Лейбнице, но и опубликовал в середине 40-х гг. (в период, когда, по Престону, аналитические философы еще не проявляли интереса к истории философии¹⁸) самый популярный историко-философский труд всех времен и народов – «Историю западной философии», содержащую в том числе главу об аналитической философии, пусть и под другим названием¹⁹. Да и Мур в начале своего философского пути написал две историко-философские дис-

¹⁶ Kripke S.A. Naming and Necessity. Camb., 1980. P. 82–85.

¹⁷ Preston A. Analytic Philosophy. P. 35.

¹⁸ Ibid. P. 29.

¹⁹ Russell B. History of Western Philosophy. P. 857–864.

сертации о Канте²⁰. В этих диссертациях вызревали идеи, позволившие ему вскоре порвать с гегельянством²¹. Создавал он историко-философские тексты и позже. К примеру, в сборнике его статей 1922 г. есть историко-философская статья о Юме²². Вообще, Мур говорил, что к философствованию его всегда подталкивали не какие-то мировые загадки, а высказывания других философов о мире или науке, которые казались ему странными или неверными²³. И он пытался разобраться, что же они имели в виду. Это, по сути, историко-философская установка.

Едва ли можно предположить, что Престон не знает об этих фактах. Но если он знает и сознательно замалчивает их, то его работа тенденциозна²⁴. И тогда его книгу можно не принимать во внимание при обсуждении природы аналитической философии. Я последую этой своей рекомендации и далее почти не буду говорить о Престоне. В последующих параграфах я попробую конкретизировать намеченные выше сюжеты.

2

Начнем с термина «аналитическая философия». В обсуждаемых статьях не раз говорится о том, что сами основатели аналитической философии не употребляли его. Да, собственно, происходящее в тот ранний период и не воспринималось современниками как какой-то единый процесс, как история аналитической философии. Отбросить второстепенное, увидеть главное и назвать его подходящим именем можно было только на временном отдалении. Так или иначе, но Шохин и Целищев согласились бы, что словосочетание «аналитическая философия» вначале употреблялось как обозначение стиля философствования, а затем, с 30-х гг. XX в., как именование конкретной группы философов. Шохина, кстати, можно понять так, будто он призывает вернуться к старому словоупотреблению (при такой интерпретации его идеи надо оценивать с прагматической стороны, т. е. насколько это целесообразно). В любом случае, однако, очевидно, что вопрос об истоках этого термина представляет определенный интерес. И в литературе есть изыскания на эту тему. Самые ранние случаи использования словосочетания «аналитическая философия» – разумеется, в статусе дескрипции – обнаруживались историками во второй половине XIX в.²⁵ Но эта картина нуждается в корректировке. Выражение «аналитическая философия» в близком к современному смысле используется, к примеру, в «Философско-медицинском словаре» Ф.И. Циммермана 1803 г. Аналитической философии здесь посвящен крошечный параграф в статье «Философия». Этот параграф так и называется “*Analytische Philosophie*”. Она определяется как философия, «проясняющая темные представления во всех наших принципах»²⁶. Еще раньше выражение “*philosophie analytique*” употреблял оккультист А. Кур де Жебелен – в одном из томов «Первобытного мира», вы-

²⁰ Moore G.E. Early Philosophical Writings. Camb., 2011. P. 1–94, 117–242.

²¹ Moore G.E. An Autobiography // Philosophy of G.E. Moore. Evanston, 1942. P. 22.

²² Moore G.E. Hume’s Philosophy // Moore G.E. Philosophical Studies. L., 1922. P. 147–167.

²³ Moore G.E. An Autobiography. P. 14.

²⁴ Ср. Целищев В.В. Аналитическая философия. С. 144.

²⁵ Preston A. Analytic Philosophy. P. 34.

²⁶ Zimmermann F.J. Philosophisch-medizinisches Wörterbuch. Wien, 1803. S. 190.

шедшем в 1781 г.²⁷ Этот том прославился рассуждениями о картах таро, которые, по иронии судьбы, изучал и главный ревизионист среди историков аналитической философии – М. Даммит.

Второй момент, который мне хотелось бы уточнить, касается ряда мифов, связанных с представлениями о раннем периоде аналитической философии. Я уже отмечал тот факт, что аналитическая философия началась с восстания Рассела и Мура против гегельянского идеализма. Но важно не смешивать факты с априорными реконструкциями. Они могут оказаться совершенно неверными. К примеру, мы могли бы предположить, что устремленность аналитических философов к ясности и четкости формулировок была реакцией на туманные построения британских гегельянцев. В таком случае нас очень удивит то, что Мур в своей «Автобиографии», говорит, что пониманию значимости такой устремленности он обязан одному из ведущих гегельянцев Дж. Мак-Таггарту, с которым он много общался в Кембридже: «...больше всего на меня повлияло то, что он всегда настаивал на ясности, пытался придать точный смысл философским выражениям, спрашивая “Что это значит?”»²⁸ Метод ранних аналитических философов, их визитная карточка, восходит к одному из философов, с которыми они боролись.

Столь же сомнительным оказывается и другое естественное предположение о характере разрыва ранних аналитиков с гегельянством. Речь идет о нацеленности ранних аналитических философов на принципы здравого смысла. В самом деле, гегельянский идеализм и здравый смысл – вещи, казалось бы, очень далекие, и разрыв с идеализмом наверняка сопровождался у Рассела и Мура апелляциями к здравому смыслу. Это предположение кажется тем более правдоподобным, что Мур известен как горячий защитник здравого смысла. Да и сам Рассел вспоминал, что «Мур обнаружил неприменимость гегелевской философии к столам и стульям»²⁹. Проблема, однако, в том, что в момент разрыва с гегельянством Мур критиковал главного в те времена гегельянца Ф.Г. Брэдли за его приверженность корреспондентской теории истины, которая прекрасно вписывается в установки здравого смысла. И взамен этой теории, предполагающей сопоставление наших субъективных представлений с реальностью, он выдвигал «парадоксальную», по его собственным словам³⁰, концепцию, отождествляющую пропозиции с комплексами объективированных понятий. – ту самую концепцию, о большой важности которой для построения философии математики говорил Рассел в «Принципах математики» (1903)³¹.

Из всего этого, конечно, не следует, что Мур и Рассел были противниками здравого смысла или что они разделяли рассуждения в стилистике «Что это значит?» или «Что вы хотите этим сказать?» со всеми другими философскими направлениями. Такие рассуждения действительно очень характерны именно для аналитических философов³². И они были естественны для философов, нацеленных на критику своих предшественников: задавая их, мы нередко предполагаем, что любой ответ наших оппонентов – если они вообще найдут его – обернется против них, превратив, к приме-

²⁷ *Court de Gébelin A. Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne. T. 8. P., 1781. P. 594.*

²⁸ *Moore G.E. An Autobiography. P. 18.*

²⁹ *Russell B. Basic Writings. L., 2009. P. 7.*

³⁰ *Moore G.E. The Nature of Judgment // Mind. 1899. Vol. 8. No. 30. P. 181.*

³¹ *Russell B. Principles of Mathematics. L., 2010. P. XLV–XLVI.*

³² *Ср. Soames S. The Analytic Tradition in Philosophy. Vol. 1. Princeton, 2014. P. 259–260.*

ру, их тезисы в тривиальность или, наоборот, в бессмыслицу. Рассел, впрочем, усмотрел у таких вопросов и другой, редукативный аспект. Ведь если предположить, что на какие-то из вопросов такого рода можно дать бессмысленные ответы, то утверждения, относительно которых они задаются, будут переформулированы в какие-то другие утверждения. Причем эти вторые утверждения можно будет рассматривать как более фундаментальные. Именно в таком контексте можно воспринимать логицистский проект Рассела, его попытку сведения математики к логике. Но Рассел блестяще продемонстрировал этот метод – в статье 1905 г. «Об обозначении»³³ – и на материале высказываний обыденного языка. Такие расплывчатые высказывания тоже допускают переформулировку – на языке математической логики. И подобная переформулировка в ряде случаев позволяет разрешить метафизические трудности, связанные с ними. Витгенштейн построил на этой интуиции свой «Логико-философский трактат». Влияние этих идей заметно также у позднего Витгенштейна и у оксфордских философов обыденного языка середины XX в. Они тоже видят возможность избавления высказываний от метафизического балласта в соотнесении их с образцами – в данном случае образцами обыденного словоупотребления.

И все же, несмотря на громадную роль Рассела в продвижении лингвистического анализа, изначальный импульс к осознанию его ценности исходил, похоже, от Мура. И мы уже знаем, что сам он связывал этот импульс с влиянием Мак-Таггарта. Но ведь такое влияние было бы невозможным без предрасположенности Мура к подобным приемам. Она могла быть чисто психологической, но, скорее всего, дело не только в природных склонностях, но и в образовании. Выше я отмечал, что похожие методы философствования мы находим у платоновского Сократа. Но ведь Мур со школьных лет прекрасно знал один из сократических диалогов Платона, «Протагор». Более того, долгое время этот диалог был единственным известным ему философским трудом³⁴. Мур вообще не собирался становиться философом: в Кембриджском университете он хотел изучать языки. Но уже на первом году обучения он попал в молодежную компанию, где обсуждались философские темы. Вскоре он и сам стал участвовать в дискуссиях, в том числе защищая идеи, высказанные Сократом в «Протагоре»³⁵. Его старший товарищ Рассел был так впечатлен выступлениями Мура, что уговорил его переориентироваться на философию. Это еще не было рождением аналитической философии, но ее возникновение было предопределено уже на этом раннем этапе общения Мура и Рассела. В общем, призывы Мак-Таггарта к ясности падали у Мура на подготовленную Платоном почву. И в таком случае можно утверждать, что одним из глубинных истоков аналитической философии является философский метод Сократа в его платоновской версии. Эта связь с классической философией, разумеется, помогает принять как нечто должное то обстоятельство, что в наши дни аналитическая философия является полноправной наследницей классической философской традиции. Эволюция аналитической философии в этом плане напоминает движение древнегреческой философии от Сократа к Платону и Аристотелю. Если Сократ следует «лингвистическому» методу, пытаясь прояснить смысл утверждений о мудрости, добродетели и т. п., то Платон и Аристотель расширяют границы своих исследований и рассуждают

³³ Russell B. On Denoting // Mind. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.

³⁴ Moore G.E. An Autobiography. P. 13.

³⁵ См.: Levy P. Moore. Oxf., 1979. P. 154–155.

скорее не о словах, а о самих вещах. Эту траекторию мы видим и в истории аналитической философии XX в. Лингвистический поворот первой половины XX в. сменился «классическим» – в широком смысле слова – поворотом.

3

Но действительно ли в аналитической философии произошел радикальный поворот? Не выдаем ли мы свои субъективные ощущения за объективную картину происходящего? Для ответа на этот вопрос надо опираться на какие-то объективные данные. И в этом параграфе я так и поступлю.

Не требуется отдельных доказательств, чтобы признать справедливость тезиса, что аналитическая философия поначалу и вплоть до последней трети XX в. была сфокусирована на философии языка и на лингвистическом методе. Но как подтвердить изменение этих акцентов в последующие десятилетия? Для проверки этого предположения можно взять несколько ведущих аналитических журналов общего профиля и посмотреть тематические приоритеты публикаций в них в какие-то репрезентативные промежутки времени. Я так и поступил. Я выбрал три знаменитых журнала – “The Philosophical Review”, “The Philosophical Quarterly” и “Mind” – и проанализировал тематическое распределение их статей за трехлетний период 2014–2016 гг. Результаты оказались достаточно красноречивыми. Публикации по философии языка занимали маргинальное место. Самыми востребованными областями исследований оказались метафизика, эпистемология и этика.

Эта картина соответствует представлениям о переориентации новейшей аналитической философии на классическую тематику. Остается, правда, возможность, что в метафизических, эпистемологических и этических изысканиях аналитические философы по-прежнему следуют лингвистическому методу, т. е. считают, что обсуждаемые там проблемы должны решаться анализом высказываний на соответствующие темы в стиле «Что вы хотите этим сказать?». Чтобы исключить ее, вспомним вначале, что классическая философия не ассоциируется с таким подходом. Большинство классических философов, разумеется, стремились к точности, но обычно не задерживались на таких вопросах и переходили к предметному анализу. И в этом есть резон. В самом деле, допустим, я четко представляю, что именно я хочу сказать. Это не обязательно должно быть концом исследований. Скорее, после этого реальные исследования только и должны начинаться. Допустим, меня интересует, влияет ли сознание на поведение. Аналитический философ лингвистического образца спрашивает меня, что я имею в виду. Я объясняю ему, что под поведением я буду понимать любые физические перемещения моего тела, а под сознанием – совокупность частных ментальных состояний, в том числе эмоции, воспоминания, фантазии, переживания моих желаний и намерений и т. п., и я хочу узнать, играют ли эти частные ментальные состояния каузальную роль относительно таких перемещений. Философ лингвистического типа мог бы попробовать сразу закрыть вопрос, заявив, что в своей дефиниции поведения я отклонился от обыденного словоупотребления, что обыденное словоупотребление позволяет называть поведением только намеренные перемещения моего тела, что предполагает влияние намерений на эти перемещения, а значит, и сознания на поведение. Но я не соглашусь с ним, что вопрос закрыт. При таком понимании поведения вопрос надо будет переформулировать: являются ли хоть какие-то из перемещений наших тел

поведением? Он скажет, что да, так как в обыденной речи мы именно так называем многие из них. На это я отвечу, что вопрос в том и состоит, корректно ли наше обыденное словоупотребление. И на последний вопрос уже нельзя ответить в контексте лингвистического метода. Для этого надо исследовать сами эти вещи.

Важный вопрос, конечно, как их исследовать, но сейчас я не буду углубляться в эти материи. Я хочу лишь подчеркнуть, что хотя ранние аналитические философы, в том числе Мур, могли соглашаться с тем, что лингвистический анализ – это не конец исследования, акцент они ставили именно на нем. Классические же философы говорили по преимуществу «о самих вещах», отвечали на фундаментальные философские вопросы за пределами лингвистического анализа.

Нам понадобится этот тезис для подтверждения переориентации аналитической философии на классические образцы. Подтвердить это можно так. Новейшие достижения аналитической философии суммируются в разного рода антологиях и руководствах. Возможно, самыми авторитетными среди них являются «Оксфордские руководства» по разным темам. Мы уже знаем, что наиболее востребованными в наши дни областями исследований аналитических философов являются метафизика, эпистемология и этика. Так вот, мы можем взять Оксфордские руководства по соответствующим дисциплинам³⁶ и посмотреть, цитируются ли классические философы в них чаще или реже основателей аналитической философии. Я провел этот анализ, и он показал, что классические философы действительно интересуют современных метафизиков, эпистемологов и этиков больше, чем Фреге, Рассел, Мур и Витгенштейн. Например, страниц с упоминаниями Канта и его теорий в руководстве по этике почти в четыре раза больше, чем страниц со ссылками на Фреге, Рассела, Мура и Витгенштейна вместе взятых. В руководстве по метафизике лишь Рассел и Фреге выдерживают конкуренцию с классическими философами. А в руководстве по эпистемологии все они отстают от Декарта. Похожая картина в руководствах по ключевым философским проблемам. К примеру, в Оксфордских руководствах по причинности и по свободе воли³⁷ Юм цитируется в несколько раз чаще, чем все основатели аналитической философии вместе взятые. Так что при обсуждении всех указанных тем современные авторы в большей степени ориентируются на решения, характерные для классической философии, а не для раннего периода аналитической философии. И это означает, что они являются наследниками классической традиции.

4

В финале статьи я хотел бы порассуждать о практическом смысле сделанных выводов. Почему, на мой взгляд, нам важно понять, что такое аналитическая философия в наши дни? Одна из причин состоит в том, что наше философское сообщество, по моим наблюдениям, уже не одно десятилетие

³⁶ The Oxford Handbook of Epistemology / Ed. by P.K. Moser. Oxf., 2002; The Oxford Handbook of Ethical Theory / Ed. by D. Copp. Oxf., 2006; The Oxford Handbook of Metaphysics / Ed. by M.J. Loux and D.W. Zimmerman. Oxf., 2003.

³⁷ The Oxford Handbook of Philosophy of Causation / Ed. by H. Beebe, C. Hitchcock and P. Menzies. Oxf., 2009; The Oxford Handbook of Philosophy of Free Will / Ed. by R. Kane. Oxf., 2011.

находится на своеобразном перепутье. Многие российские философы продолжают работать в традиции диалектического материализма, официальной философии советского периода. У диалектического материализма есть свой канон и концептуальный аппарат, но они очень несовершенны. Более молодое поколение увлечено континентальной философией французского и немецкого образца. Есть немало сторонников и аналитической философии. При этом в нашем философском образовании традиционно большое место занимают историко-философские курсы, рассказывающие в основном о классической европейской философии.

Так вот, понимание того, что современная аналитическая философия является наследницей классической философии, может способствовать наведению порядка в нашем философском образовании. Если сориентировать студентов на современную аналитическую философию, то, прослушав исторические курсы и столкнувшись с другими философскими дисциплинами, они не будут недоумевать, зачем им так подробно рассказывали о Платоне и Аристотеле, Декарте и Лейбнице, Юме и Канте, если вся эта традиция давно прервалась и нерелевантна в наши дни (континентальные философы, труды которых в основном изучаются студентами, обычно не рассматривают традиционные философские проблемы и не озабочены строгостью аргументации). Они будут видеть, что она не прервалась, что старые философские проблемы по-прежнему активно обсуждаются – и что мы продвигаемся к лучшему пониманию этих проблем и, возможно, к их более или менее адекватному решению. Кроме того, аналитическая философия из-за ее любви к точности и определенности гораздо лучше подходит для систематического преподавания, чем упомянутые мной континентальные школы.

Важно при этом отдавать себе отчет в том, чего мы хотим достичь. Ориентацию на труды современных аналитических авторов и использование их в преподавании не надо, как мне кажется, толковать так, что российские философы должны стремиться к интеграции в англоязычное аналитическое философское сообщество. Думаю, это недостижимая цель. Даже если кому-то из нас и удастся «интегрироваться», в целом мы будем оставаться на вторых ролях. Так что надо поменьше думать об интеграции, побольше – о развитии собственного философского сообщества и его структур. В последнее время уже многое сделано в этом отношении, и я надеюсь, что позитивные тенденции – появление новых качественных журналов, борьба за репутацию и т. п. – будут продолжены. И тогда со временем, и очень скоро, появятся замечательные философские труды, которые, что важно, заинтересуют не только нас, но и философов других стран и традиций. Более того, обнаружится, что и раньше было написано много такого, что достойно изучения.

Эта картина – не утопия. Нечто подобное случилось в свое время с немецкой философией. В начале XVIII в. на немецком языке мало кто философствовал (хотя Лейбниц смог интегрироваться в мировое философское сообщество благодаря своим французским и латинским трудам), и на протяжении почти всего столетия тогдашние лидеры философского мира, британцы и французы, не обращали внимания на немецких мыслителей. А они, вместо того чтобы внедряться в британскую и французскую философию, изучали все важные работы своих соседей и пускали их в рост своей домашней философии, подарившей в конце XVIII в. Канта, Фихте и Шеллинга. А весь XIX в. в европейской мысли прошел уже под знаком немецкой философии. И нечто похожее, на мой взгляд, может случиться и с нами. Надо лишь пойти в нужную сторону.

Список литературы

- Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 270 с.
- Целищев В.В.* Аналитическая философия и ревизионизм без берегов // Филос. журн. / *Philosophy Journal*. 2018. Т. 11. № 2. С. 138–155.
- Шохин В.К.* Что же все-таки такое аналитическая философия? В защиту и укрепление «ревизионизма» // *Вопр. философии*. 2013. № 11. С. 137–148.
- Шохин В.К.* Аналитическая философия: Некоторые непроторенные пути // Филос. журн. / *Philosophy Journal*. 2015. Т. 8. № 2. С. 16–27.
- Court de Gébelin A.* Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne. Т. 8. Р., 1781. 698 p.
- Dummett M.* *Origins of Analytical Philosophy*. Camb.: Harvard University Press, 1994. 199 p.
- Kripke S.A.* *Naming and Necessity*. Camb.: Harvard University Press, 1980. 172 p.
- Levy P.* *Moore: G.E. Moore and the Cambridge Apostles*. Oxf.: Oxford University Press, 1979. 350 p.
- Moore G.E.* The Nature of Judgment // *Mind*. 1899. Vol. 8. No. 30. P. 176–193.
- Moore G.E.* Hume's Philosophy // *Moore G.E. Philosophical Studies*. L.: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1922. P. 147–167.
- Moore G.E.* An Autobiography // *Philosophy of G.E. Moore* / Ed. by P.A. Schilpp. Evanston; Chicago: Northwestern University, 1942. P. 3–39.
- Moore G.E.* Early Philosophical Writings / Ed. by T. Baldwin and C. Preti. Camb.: Cambridge University Press, 2011. 336 p.
- Preston A.* The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy // *The Bertrand Russell Society Quarterly*. 2005. No. 127. P. 11–30.
- Preston A.* *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. L.: Continuum, 2007. 202 p.
- Russell B.* On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.
- Russell B.* *History of Western Philosophy*. L.: George Allen and Unwin Ltd., 1946. 916 p.
- Russell B.* *Basic Writings* / Ed. by R.E. Egner and L.E. Dennon. L.: Routledge, 2009. 781 p.
- Russell B.* *Principles of Mathematics*. L.: Routledge, 2010. 593 p.
- Soames S.* *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol. 1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2003. 430 p.
- Soames S.* *The Analytic Tradition in Philosophy*. Vol. 1: The Founding Giants. Princeton: Princeton University Press, 2014. 674 p.
- The Oxford Handbook of Philosophy of Causation* / Ed. by H. Beebe, C. Hitchcock and P. Menzies. Oxf.: Oxford University Press, 2009. 806 p.
- The Oxford Handbook of Epistemology* / Ed. by P.K. Moser. Oxf.: Oxford University Press, 2002. 608 p.
- The Oxford Handbook of Ethical Theory* / Ed. by D. Copp. Oxf.: Oxford University Press, 2006. 680 p.
- The Oxford Handbook of Philosophy of Free Will* / Ed. by R. Kane. Oxf.: Oxford University Press, 2011. 672 p.
- The Oxford Handbook of Metaphysics* / Ed. by M.J. Loux and D.W. Zimmerman. Oxf.: Oxford University Press, 2003. 736 p.
- Zimmermann F.J.* *Philosophisch-medicinisches Wörterbuch*. Wien: In der Camesinischen Buchhandlung, 1803. 263 S.

What is analytic philosophy, and why is it important to ask?***Vadim V. Vasilyev**

Lomonosov Moscow State University. GSP-1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation;
email: izf@philos.msu.ru

In this paper I discuss the nature and origins of analytic philosophy. I criticize a few recent papers on this topic, published by Vladimir Shokhin and Vitalii Tselishchev. I also consider a book of Aaron Preston, *Analytic Philosophy: The History of Illusion*, as both Shokhin and Tselishchev discuss his ideas. I criticize Tselishchev's ad hominem critique of Shokhin's "revisionism", by which he expands the historical boundaries of analytic philosophy to the very beginnings of philosophy. I argue, however, that Shokhin's version of such revisionism is flawed, because his position presupposes that "analytic philosophy" is a description, not a name, but that seems not to be the case. I recommend another view, according to which the contemporary analytic philosophy is an heir of classical and modern philosophy. In this paper I also clarify some points concerning the early "linguistic" period of analytic philosophy and origins of the very term "analytic philosophy", which I trace back to the 18th century. At the end of the paper I provide some data confirming a "classical turn" of the recent analytic philosophy and consider some practical consequences of my conclusions for Russian philosophical education. I believe we should pay much more attention to analytic thought.

Keywords: analytic philosophy, revisionism, Vladimir Shokhin, Vitalii Tselishchev, Aaron Preston

References

- Beebe, H. C., Hitchcock, C. & Menzies, P. (eds.) *The Oxford Handbook of Philosophy of Causation*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 806 pp.
- Copp, D. (ed.) *The Oxford Handbook of Ethical Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 680 pp.
- Court de Gébelin, A. *Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde modern*, T. 8. Paris, 1781. 698 pp.
- Dummett, M. *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 199 pp.
- Kane, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Philosophy of Free Will*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 672 pp.
- Kripke, S. A. *Naming and Necessity*. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 172 pp.
- Levy, P. *Moore: G.E. Moore and the Cambridge Apostles*. Oxford: Oxford University Press, 1979. 350 pp.
- Loux, M. J. & Zimmerman, D. W. (eds.) *The Oxford Handbook of Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 736 pp.
- Moore, G. E. "The Nature of Judgment", *Mind*, 1899, Vol. 8, No. 30, pp. 176–193.
- Moore, G. E. "Hume's Philosophy", in: G.E. Moore, *Philosophical Studies*. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1922, pp. 147–167.
- Moore, G. E. "An Autobiography", *Philosophy of G.E. Moore*, ed. by P. A. Schilpp. Evanston; Chicago: Northwestern University, 1942, pp. 3–39.
- Moore, G. E. *Early Philosophical Writings*, ed by T. Baldwin and C. Preti. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 336 pp.
- Moser, P. K. (ed.) *The Oxford Handbook of Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 608 pp.

* The article is written as a part of activity within a scientific school of Lomonosov Moscow State University "Transformations of Culture, Society and History: Philosophical and Theoretical Understanding".

- Preston, A. "The Implications of Recent Work in the History of Analytic Philosophy", *The Bertrand Russell Society Quarterly*, 2005, No. 127, pp. 11–30.
- Preston, A. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London: Continuum, 2007. 202 pp.
- Russell, B. "On Denoting", *Mind*, 1905, Vol. 14, No. 56, pp. 479–493.
- Russell, B. *History of Western Philosophy*. London: George Allen and Unwin Ltd., 1946. 916 pp.
- Russell, B. *Basic Writings*, ed. by R.E. Egner and L.E. Dennon. London: Routledge, 2009. 781 pp.
- Russell, B. *Principles of Mathematics*. London: Routledge, 2010. 593 pp.
- Shokhin, V. K. "Analiticheskaya filosofya: nekotorye neprotorennye puti" [Analytic Philosophy: Some Unbeaten Tracks], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2015, Vol. 8, No. 2, pp. 16–27. (In Russian)
- Shokhin, V. K. "Chto zhe vse-taki takoe analiticheskaya filosofiya? V zashchitu I ukreplenie 'revizionizma'" [What is Analytical Philosophy? In the Protection and Promotion of 'Revisionism'], *Voprosy filosofii*, 2013, No. 11, pp. 137–148. (In Russian)
- Soames, S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*, Vol. 1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2003. 430 pp.
- Soames, S. *The Analytic Tradition in Philosophy*, Vol. 1: The Founding Giants. Princeton: Princeton University Press, 2014. 674 pp.
- Tselishchev, V. V. "Analiticheskaya filosofya i revizionizm bez beregov" [Analytic philosophy and revisionism without bounds], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 2, pp. 138–155. (In Russian)
- Vasilyev, V. V. *Trudnaya problema soznaniya* [The Hard Problem of Consciousness]. Moscow: Progress-Tradiziya Publ., 2009. 270 pp. (In Russian)
- Zimmermann, F. J. *Philosophisch-medicinisches Wörterbuch*. Wien: In der Camesinainen Buchhandlung, 1803. 263 S.